

СЧАСТЛИВЫЙ СТРАННИК

На своей могиле он завещал сделать надпись: «Мир ловил меня, но не поймал», а затем выкопал в саду погребальную яму, переоделся в чистую одежду, положил под голову черновики своих притчей, укрылся старенькой крестьянской свиткой и почил навеки

Удивительная эта история случилась с Григорием Сковородой, самобытным украинским мыслителем восемнадцатого века. Впрочем, вся необыкновенная жизнь этого странного, невероятно талантливого и столь же невероятно удачливого человека ей под стать. Многие годы о Григории Сковороде было известно лишь по заметкам его друга и ученика Михаила Ковалинского, столь скупым, что даже дату рождения философа удалось установить лишь 250 лет спустя.

Родился Сковорода 22 ноября (3 декабря по новому стилю) 1722 года в полтавском селе Чернухи. Роду он был хотя и казацкого, но бедного, и потому сведения о его родителях можно найти лишь в нескольких малозначительных записях – в реестре «о приходе денежной казны Лубенского полку» за 1733 год, где сказано, что на ярмарке 19 июля 1733 года за продажу «вишинкованного вина» взято «с Саввы Сковороды чорноуского с пяти ведер пятьдесят копеек», и в ревизских книгах 1745 года, где значится «двор Пелагеи Сковородыхи, которой сын обретается в певчих».

Согласно тогдашним обычаям, родители вначале отдали мальчика в науку к дьяку, а потом в церковно-приходскую школу. У него был чудесный голос, и он с раннего детства пел в церковном хоре.

В двенадцатилетнем возрасте Григорий «поступил в студенты» Киево-Могилянской академии, что для бедного селянского хлопца кажется почти чудом. Киевская академия в те времена ничуть не уступала значимостью университетам Парижа, Вены или Праги, а огромная ее библиотека, в которой были собраны книги по всем известным тогда наукам, многие из европейских книгохранилищ даже превосходила.

**Татьяна
Громова**
журналист

О высоком престиже Киевской академии свидетельствуют судьбы ее воспитанников, занимавших высокие духовные посты, сделавших блестящую дипломатическую карьеру или ставших писателями, поэтами, учеными, профессорами в университетах Сербии, Австрии, Венгрии, Чехии. А бывшие киевские школяры, служившие в школах и коллегиях (училищах) Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Казани, Владимира, других крупных городов Российской империи, считались педагогической элитой.

Григорию в академии очень нравилось, но полный курс обучения, составлявший восемь лет, пройти не удалось... по причине талантливости. В декабре 1741 года специальная комиссия, пораженная его необыкновенно красивым голосом, направила юношу в Санкт-Петербург, в придворную капеллу, дабы услаждал чудесными кантами императрицу Елизавету. Три года жил он вместе с другими певцами капеллы в старом Зимнем дворце, выступая на придворных праздниках и во время богослужений – в дворцовой церкви. И хотя капелла была достаточно большой, незаурядный музыкальный талант нового певчего не остался незамеченным. По личному указу матушки-императрицы он получил звание придворного регента и стал руководить хором. Петербургский период его жизни отмечен еще одним замечательным музыкальным успехом – он настоль-

Фрагмент народной картины «Казак Мамай». XVIII в.

Гравюра с «Акафистов» киевского издания 1731 года. Певчий Сковорода, скорее всего, пользовался именно ним

ко блестяще «сложил голос» духовной песни «Иже херувимы», что акафист в аранжировке Сковороды можно услышать в церквях еще и в наши дни.

Напомню, Григорию к этому времени исполнилось всего двадцать лет. Можно только догадываться, каких карьерных высот достиг бы в будущем сын черноуского казака, по бедности подторговывавшего на полтавских ярмарках вином, если бы...

Если бы в августе 1744 года императрица Елизавета не решила посетить Киев, взяв в поездку любимую капеллу. Какие уж чувства взволновали сердце регента придворного хора, но зыграло ретивое, и возвращаться в столицу он отказался, подав прошение об увольнении с высокой должности.

Оставшись в Киеве, Григорий вернулся в академию, в класс философии. Но уже через год ему пришлось сделать в учебе новый перерыв – его включили в состав российской миссии, возглавляемой генералом Вишневым, на должность певчего православной церкви при миссии. Факт этот на первый взгляд может показаться не таким уж значительным, и для других певчих он, возможно, таковым и был. Но Григорий Сковорода был человеком особенным. Его энциклопедичная образованность, великолепное знание латыни, греческого, древнееврейского, немецкого, польского языков, его неожиданные суждения об увиденном и прочитанном (а философов

Неизвестный украинский мастер. «Певчие на хорах». Фрагмент иконы. Примерно 1686

и поэтов античности и эпохи Возрождения Сковорода изучал в оригинале) поражали даже выдающихся европейских ученых, с которыми он много общался в те пять лет, пока служил в миссии. Благо, она часто переезжала, базируясь то в Вене, то в Офене (Будапеште), или Презбурге (Братислава), то в других городах Австро-Венгрии.

Вернувшись в 1750 году на Украину, Сковорода получил должность преподавателя пиитики в Переяславском коллегиуме, где снова проявились его незаурядные способности, на этот раз как педагога-новатора. Это, однако, не понравилось переяславскому епископу Никодиму Сребницкому. Сковороде велено было прекратить самодеятельность и «преподавать по тогдашнему обыкновенному образу учения». Подчиниться тот, понятно, отказался и «по сему был выгнан из училища не с честью», впервые, пожалуй, потерпев жизненную неудачу.

Только неудачу ли? Бывают неудачи, дающие человеку гораздо больше, чем ласка фортуны.

После потери места Сковорода возвратился в аудиторию киевской академии, где даже воздух казался ему особенным, пропитанным милым сердцу духом старинных фолиантов, и еще два года учился в богословском классе, все свободное время просиживая в библиотеке. Вел класс иеромонах Георгий Конисский, один из самых выдающихся людей того времени. Соучеником Григория был в это время и будущий митрополит Самуил Мстиславский. Не менее блестящую духовную карьеру предрекали и Сковороде, но, похоже, она мало его привлекала,

и через три года он оставляет академию ради того, чтобы стать домашним учителем у помещика села Ковраи Степаны Томары.

С самим паном Томарой у нового учителя отношения сложились неплохие, сохранятся они и в будущем, когда Сковорода станет известным поэтом, а вот с гонимой, своенравной Томарихой, обращавшейся с учителем сына как с холопом, не сладилось, и из Ковраев он ушел.

Пожив какое-то время у приятеля в Переяславле, Сковорода, не усидев на месте, поехал в Москву, где первым делом отправился в Троице-Сергиеву лавру поклониться православным святыням и поработать в монастырской библиотеке, славящейся редкими кни-

гами. Здесь он познакомился с наместником лавры Кириллом. Как пишет ученик странствующего философа Ковалинский, «сей, увидя Сковороду, которого знал уже по слуху, и нашед в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отеческому краю отвлекла его в Малороссию. Он возвратился паки в Переяславль, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла».

От лестного предложения Григорий Саввич отказался и уехал на этот раз в Харьков, выбрав судьбу странствующего философа и народного учителя.

Более четверти века бродит он пешком, с котомкой за плечами от города к городу, редко где задерживаясь надолго, останавливаясь иногда в монастырях, но чаще ночуя, как сам пишет, «в лесах, полях, садах, селах, деревнях и пчельниках».

Своим «земляком» его могут считать в Киеве, Белгороде, Воронеже, Таганроге. Познакомиться со столь образованным человеком, принять его в своем доме считали за честь не только писатели и художники, но и знать. Но и к славе, и к высоким знакам Сковорода оставался равнодушен, предпочитая маленькие харьковские хуторки, где работало так благодатно, и один за другим выходили из-под пера диалоги, трактаты, притчи, басни, стихи и песни. Много занимается он в это время и переводами древних авторов.

В 1790 году Григорий Саввич составляет перечень своих произведений, как оригинальных, так и переводных, и отправляет письмом Ковалинскому, указав, у кого они хранятся (написанное, прежде чем

Единственный прижизненный портрет Григория Сковороды был написан незадолго до его смерти сельским художником Лукьяновым из Ивановки

пуститься в новое странствие, он обычно оставлял друзьям). Решение оказалось мудрым и счастливым – верный Ковалинский собрал большую часть рукописей, благодаря чему они сохранились до наших дней.

Часть работ Сковороды привозит другу сам, совершив осенью 1794 последнее свое странствие. К этому времени Михаил Ковалинский обосновался в своем имении Хотетове на Орловщине, куда «по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему» и приехал Григорий Саввич.

Хозяин уговаривал учителя остаться в Хотетове на зиму, но Сковорода не захотел и, пробив меньше месяца, поторопился вернуться на Украину. Предчувствуя скорую кончину, умереть он хотел в родных краях.

29 октября (9 ноября по новому стилю) 1794 года в селе Ивановка под Харьковом закончилось странствие по жизни удивительного человека Григория Сковороды.

У него не было семьи, дома, имущества, не было ничего материального, что можно пересчитывать, хранить и передавать в наследство. Но он сам придумал свою судьбу, и чувствовал себя счастливым человеком. Счастье давала независимость и свободная возможность делать то, к чему тянулась душа. Счастье было той точкой, на которую он опирался, создавая свой мир, – философский, литературный и просто житейский, свято веря, что природа сотворила для каждого человека возможности быть счастливым и никогда не закрывает путей человека к счастью.

Счастливым же, считал он, человек может стать лишь тогда, когда познает «своего бога» – то есть свою невидимую натуру и выберет занятие, отвечающее его внутренней природе. Он это называет «сродной жизненной деятельностью», предположив, что это единственное, благодаря чему человек может обрести уверенность в своих возможностях, определить свой угол в жизни и научиться быть счастливым. «Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю, для того чтоб чрез нея вскочить на кучу изобильного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден...», – говорит Сковорода в одной из своих басен.

Проблема счастья человека на земле и путей к нему стали смыслом его жизни, сутью его философии и главной темой литературного творчества.

Ответ на вопрос «как достичь счастья» Сковорода искал в странствиях, встречах, ученых спорах и простецких разговорах, в единении с людьми и уединении, в литературе и философии, которые наивно (наивно ли?) считал инструментами для достижения счастья. Он искал ответ у древних мудрецов, переводя греческих философов, и, прежде всего, любезного его сердцу и уму Плутарха, и не находя никаких готовых рецептов, принимался за создание своей философии счастья. Только оно воспринималось им как единственная истина.

И кто скажет, что это не так?..